

Л.В. Митрошенкова

**К ИСТОРИИ ПРОЕКТА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ
СЕРГЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА
ПО МУЗЕЕФИКАЦИИ БОРОДИНСКОГО ПОЛЯ
(1897–1904)**

Несколько лет назад внимание коллег из Бородинского военно-исторического музея-заповедника привлекло любопытное дело, сохранившееся в фонде Военно-учёного комитета Главного управления Генерального штаба (ГУГШ)¹. Обзор и анализ отложившихся в нём документов содержится в статье А. В. Горбунова, опубликованной в сборнике материалов научной конференции в Музее-заповеднике 2005 г.² Кратко напомним, что речь идет о проекте музеефикации Бородинского поля, разработка которого велась по личному указанию командующего войсками Московского военного округа великого князя Сергея Александровича. Предполагалось сделать следующее: подготовить и издать подробное и популярное описание Бородинского сражения; издать путеводитель по Бородинскому полю; провести топографическую съемку поля; выявить и по возможности реконструировать сохранившиеся укрепления 1812 г.; организовать охрану всей зоны памятников (землю, находившуюся во владении крестьянских общин, частных лиц и Спасо-Бородинского монастыря, собирались выкупить в казну), а также создать посвященный битве музей в Бородинском дворце. В упомянутой статье достаточно подробно изложен ход обсуждения и подготовки названного проекта на основании отложившейся в одном деле переписки между Военно-учёным комитетом ГУГШ и штабом Московского военного округа (МВО), а также с другими учреждениями и организациями за 1901–1904 гг. Вывод, к которому приходит исследователь, звучит вполне

обоснованно: «Великий князь Сергей Александрович был первым государственным деятелем в России, который ещё в 1899 г. предложил начать подготовку к столетию Отечественной войны 1812 года, увековечив память о главном её событии – Бородинском сражении. При участии подполковника Оболенева он разработал проект восстановления сохранившихся на Бородинском поле укреплений как самых подлинных свидетельств битвы и создания на месте сражения военно-исторического музея. Фактически этот проект превращал само поле сражения в главный памятник участникам битвы. Бородинский проект встретил скрытое, а местами и явное сопротивление Военно-учёного комитета, который сумел получить от императора Николая II-го одобрение идеи сделать главным юбилейным объектом новый военный музей в Петербурге. В результате такого противостояния реализовать проект в рамках Военного Министерства оказалось невозможно. Заложенные в нём идеи были частично осуществлены в 1912 году»³. Однако в РГВИА сохранились и другие документы, на основании которых можно уточнить ряд вопросов, возникающих при знакомстве с процитированным выводом. Действительно ли князь Сергей Александрович и подполковник Оболенев были единственными авторами описанного проекта? Возможно, причины отказа от реализации предложенных мероприятий заключались не только (или даже не столько) в «сопротивлении Военно-учёного комитета»? Вызывает некоторые сомнения предположение о предпочтении, оказанном государем начальнику Главного штаба перед собственным дядей, мнению которого он до сих пор весьма уважал. Да и нет в деле сведений о личном участии императора в решении этих вопросов. Кроме того, хотелось бы понять, почему в конце концов, хотя и гораздо позднее, всё же были «осуществлены» все включённые в проект предложения. Как выясняется, эти вопросы и значительное количество дополнительных подробностей, в том числе и уточнение хронологических рамок проекта, проясняются документами дела «Переписка с Главным штабом, подчинёнными штабами и учреждениями гражданского ведомства о строительстве музея „Бородино“ и восстановлении укреплений Бородинского поля; схемы поля» (фонд Штаба Московского военного округа)⁴. Документы были обнаружены в этом году в ходе нашего исследования процессов формирования и развития системы историко-культурного и патриотического воспитания служащих МВО в конце XIX – начале XX в.

Великий князь Сергей Александрович в 1891 г. был назначен московским генерал-губернатором, а в 1896 г. – командующим войсками Московского военного округа. Будучи человеком не просто хорошо образованным, но в действительности глубоко знавшим отечественную историю и понимавшим её значение как основы государственной деятельности, он, вероятно, был прекрасно осведомлён об исторических событиях и памятниках на территории губернии и посетил их лично вскоре после переезда в первопрестольную. Обезд мест в губернии был одним из первых дел, которым великий князь посвятил немало времени. И осуществлял его не механически, но обдуманно и проводя соответствующую подготовку. Так, собираясь в Можайск, он много говорил с домашними о битве и сам прочитал описание сражения из «Войны и мира» Толстого⁵. 13 мая (по ст. ст.) утром великий князь со свитой отправился из Москвы в Можайск, где в соборе состоялось «общее представление» высочайшему командующему войсками. Затем, несмотря на временами сильный дождь, поехали на Бородинское поле, к памятнику, «замечательно интересному», как отметил в дневнике великий князь. Осмотрев с Курганной высоты сохранившиеся остатки «позиций», посетили Спасо-Бородинский женский монастырь и Шевардинский редут⁶. Об этом посещении великим князем Бородинского поля и домика инвалидов при монументе на батарее Раевского сохранились некоторые подробности в данном деле. По словам автора документа поручика Бочарова, высочайший посетитель, внимательно осмотрев хранившиеся в домике предметы и документы, приказал вынуть из книги записей посетителей первую страницу с собственноручными росписями императора Николая II и его супруги, сделанными в день открытия памятника на поле в 1839 г., и разместить её в особой раме под стеклом⁷. Известно, что в должности командующего Московским военным округом великий князь не раз посещал артиллерийский летний лагерь и полигон в с. Клементьево, находившемся недалеко от Бородина⁸, в связи с чем, возможно, также посещал и само Бородинское поле.

В 1897 г. Сергей Александрович, «озабоченный сохранением редутов и других сооружений на Бородинском поле сражения, изволил приказать, для выяснения настоящего положения этих редутов и других укреплений достопамятной Бородинской битвы, произвести рекогносцировку всего поля сражения, что и было поручено окон-

чившему два класса Николаевской Академии Генерального штаба 3-й артиллерийской бригады поручику Бочарову, причём на того же офицера возложено было выяснить на месте, каким образом можно было бы сохранить от разрушения укрепления и нельзя ли ограничиться для сей цели теми двумя нижними чинами, кои в настоящее время охраняют памятник Отечественной войны»⁹. 11 июля 1897 г. поручик Бочаров, уже вернувшись в лагерь, завершил обработку материалов своей экспедиции на Бородинское поле¹⁰. Составленный им рапорт был красивым и чётким почерком переписан¹¹ и, вместе с приложенными к нему чертежами сохранившихся укреплений¹², передан командованию Клементьевского лагеря, которое 15 июля направило эти документы в штаб Московского военного округа. Там с ними подробно ознакомился великий князь, о чём свидетельствует дальнейшая история использования текста¹³. Остановимся на рапорте Бочарова подробнее.

Офицер отнёсся к порученному делу весьма ответственно, поскольку вполне разделял мнение об историческом значении поля Бородинской битвы и необходимости его сохранения: «Бородино – дорогое имя для сердца каждого русского. Сохранение в целостности малейших памятников знаменитого боя очень желательно. Следовало бы все их, будь то земляные валы, облитые кровью, или поэтические народные песни, привести в полный порядок». Между тем, вынужден был признать поручик, «редуты и батареи быстро приходят в упадок, никто из местных жителей даже не может указать толково место их нахождения. Самые интеллигентные, монахины Бородинского монастыря¹⁴, не знают, что живут на знаменитых Семёновских флешах. Про двух инвалидов, охраняющих памятник, нечего говорить: каждому из них по 70 лет, чуть ходят и не знают ничего про укрепления». Стремясь как можно лучше выполнить порученное дело, Бочаров перед поездкой старательно изучил всю доступную ему литературу о сражении и о самом Бородинском поле¹⁵, но остался не удовлетворен её содержанием. Отметив, что «описание Бородинского боя графа Л. Толстого из „Войны и мира“ превосходно, как ряд великолепных батальных картин первоклассного художника, но к сожалению написано не военным человеком», он сравнивает его с профессиональным описанием битвы военного историка Богдановича, который, по мнению поручика, на поле битвы не был (в отличие от графа Толстого), чему приводятся убедительные доказательства, основанные на тщательном знакомстве с топографией поля и сохра-

нившимися укреплениями. На собственном опыте поручик убедился, что «когда приезжаешь на Бородинское поле, то с первого раза ровно ничего не увидишь, кроме памятника и монастыря. В виду того, что нет хотя бы краткого, мало мальски, удовлетворительного путеводителя по Бородинскому полю, туристы, посещающие его обыкновенно ограничиваются только осмотром монастыря, памятника и домика сторожей, не вынося решительно никаких сведений о месте, где происходило сражение. А, между тем, у каждого посещающего первая мысль осмотреть поле битвы». И потому именно издание подробного «описания Бородинского боя по самым новейшим архивным данным», по мнению Бочарова, является первой необходимой мерой, которая будет «способствовать приведению в надлежащий вид памятников боя и распространению сведений об историческом поле». Кроме того, поручик предлагал издать для туристов иллюстрированный photographиями краткий путеводитель по Бородинскому полю (с учётом изменившегося рельефа местности и возникновением новых построек). Третье предложение состояло в том, чтобы «обратить домик сторожей в Музей Бородинской битвы»¹⁶. Описав уже имевшиеся документы и экспонаты, он предлагал собрать в музее все «предметы, имеющие какое-либо отношение к Историческому дню 26-го августа» и устроить при нём библиотеку, «в которой бы собраны были все сочинения по поводу Бородина». Самое главное предложение заключалось в необходимости принять меры к сохранению «всего оставшегося на поле». При этом поручик считал, что «лучше всего возложить это на дворцовое управление удельного имения Бородина. 2-м инвалидам поручить это невозможно по их старости и неразвитию. Военным властям также нельзя, так как никакой войсковой части по близости от Бородина нет. Ближайший лагерь Клементьевский в 25 верстах и то только летом. Бородино, как раз в центре поля и там могут жить сторожа, обязанные наблюдать за редутами». Описав, согласно полученному поручению, все сколько-нибудь сохранившиеся на поле укрепления (включая Утицкие, Масловские, Криушинские, Горкинские), поручик Бочаров сам считал имеющими историческое значение только три из них: Шевардинский редут, Семёновские флеши и батарею Раевского. Помимо уже существующих памятников (монумента на батарее Раевского и монастыря на Семёновских флешах) он предлагал «Шевардинский редут отдать монастырю с разрешением выстроить на нём часовню, открыв

для этого сбор пожертвований через монахинь. Тогда бы крестный ход ежегодно 24-го августа на руды и панихида служили бы лучшим воздаянием доблести павших здесь героев». Необходимым условием сохранения остатков укреплений поручик считал отчуждение в казну участков поля, на которых они расположены.

Все перечисленные предложения поручика 3-й артиллерийской бригады Бочарова легли в основу проекта мемориализации Бородинского поля, от имени великого князя Сергея Александровича направленного позднее в Главное управление Генерального штаба. Отметим, что великий князь не согласился с поручиком только в оценке исторического значения укреплений: в его проекте предлагалось сохранить (и даже, по-возможности, реконструировать) все обнаруженные остатки укреплений 1812 г., как русских, так и французских.

Чертежи и подробная «легенда к рекогносцировке укреплений сохранившихся на Бородинском поле от войны 1812 года»¹⁷, приложенные к рапорту Бочарова, позднее неоднократно использовались при описании содержания проекта и уточнении его деталей. Правда, чертежи после тщательной проверки были признаны «далеко не отвечающими важности предмета»¹⁸, что нимало не уменьшило значения всей остальной работы. Внимательное знакомство с «легендой» убеждает, что «рекогносцировка» была выполнена грамотным военным специалистом, хорошо знакомым не только с современной ему артиллерийской практикой, но и с историческими реалиями 1812 года. Об этом говорят и правильное использование специальной терминологии, и профессиональные промеры, описания секторов обстрела, охватываемых с каждого укрепления, и указания на число вмещаемых ими людей и орудий. Компетентность офицера косвенно подтверждается и тем, что по внимательном знакомстве с его работой (пометы на полях и в тексте сделаны, по-видимому, при его прочтении, двумя разными людьми), военное начальство не внесло существенных правок и позднее дословно использовало описания и формулировки поручика в своих собственных документах¹⁹.

Нам описания Бочарова представляются крайне интересными для изучения самого Бородинского сражения. Так же считал, вероятно, известный историк войны 1812 года генерал-лейтенант Б.М. Колюбакин, по нашему предположению, использовавший материалы Бочарова при описании подготовки поля для генеральной баталии²⁰. Кроме того, документ очень интересен для изучения истории самого поля²¹.

Итак, внимательно ознакомившись с представленными поручиком Бочаровым документами, великий князь Сергей Александрович поручил своему начальнику штаба округа генерал-лейтенанту Л.Н. Соболеву (известному тщательным и вдумчивым отношением к любому порученному делу²²) разработать на их основе предложения по сохранению памятников Бородинского поля. Летом 1899 г. «была произведена проверка рекогносцировки Бородинского поля», выявившая недостатки работы поручика Бочарова. По итогам новой рекогносцировки для сохранения памятников Бородинского поля предлагалось провести заново топографическую съемку поля силами специалистов Военно-топографического отдела с привлечением для консультаций чинов Московского окружного штаба. Рапорт, содержащий все эти предложения, был отправлен Л.Н. Соболевым в Главный штаб 11 июля 1899 г.²³ В августе того же года, не дожидаясь решения военного ведомства, начальник окружного штаба от имени командующего войсками просил московского губернатора действительного статского советника А.Г. Булыгина «о принятии мер для охраны остатков укреплений от окончательного разрушения»²⁴. В начале ноября был получен ответ, где сообщалось, что можайским исправником взяты подписки от старост расположенных на поле деревень, в которых они обязывались за свой счёт и своими силами следить за сохранностью расположенных на их землях памятников сражения 1812 года²⁵.

Таким образом, начальный этап формирования проекта меморIALIZации Бородинского поля получает более подробное описание. Дальнейший процесс его обсуждения в переписке с ГУГШ, как он изложен в работе А.В. Горбунова, может быть дополнен только отдельными деталями. Так, в рассматриваемом деле сохранились подлинники рукописные приговоры крестьянских обществ (деревень Шевардино, Маслово, Горки, Криушино) об оценке земель, которые собирались приобрести в казну для обеспечения сохранности расположенных на них остатков укреплений 1812 г., составленные летом 1901 г.²⁶, а также копии повторных приговоров (деревень Шевардино, Маслово, Горки), составленных летом 1902 г. после настоятельных рекомендаций со стороны военного ведомства об уменьшении запрошенных цен на земельные участки²⁷. Любопытная деталь, при повторном обсуждении, видимо, учитывая историческую значимость памятников Бородинского сражения, крестьяне д. Шеварди-

но решили снизить стоимость принадлежавшего им участка земли почти вдвое. Тогда как крестьяне д. Маслово, уяснив заинтересованность властей, стоимость своего участка повысили на четверть.

Несколько документов касаются деятельности летом 1902 г. специальной совместной комиссий Московского окружного штаба, епархиального и губернского правлений под председательством генерал-квартирмейстера округа генерал-майора С.М. Шейдемана²⁸ по описанию земель с остатками Семёновских флешей, принадлежавших Бородинскому монастырю²⁹. Результаты представленного комиссией протокола осмотра и обмера монастырского участка использовались в последующих переговорах с ГУГШ о возможности его выкупа в казну.

План приспособления Бородинского дворца под музей может быть дополнен несколькими деталями благодаря письму в штаб МВО из Военно-ученого комитета Главного штаба с описанием самого дворца (и с приложенным планом здания), присланному Удельным ведомством, и предложению уточнить требования, которым должны удовлетворять музейные помещения³⁰.

Заслуживают внимания подробности, касающиеся топографической съемки Бородинского поля, проведённой летом 1902 г. Прежде всего отметим, что задержка с выполнением работ по съемке Бородинского поля, запрос на которые был отправлен в Военно-топографический отдел ГШ начальником штаба ИВО Л.Н. Соболевым в июле 1899 г., была связана не только (или не столько) с простым затягиванием дела, обычным для российской бюрократии того времени, но объяснялась также непониманием военными топографами точного содержания предполагаемых работ, что не позволяло определиться с необходимым для их проведения временем и квалификацией направляемого для этого специалиста³¹. Получив от штаба МВО необходимые уточнения, начальник Военно-топографического отдела генерал-лейтенант О.Э. Штубендорф направил в штаб МВО 7 июля 1901 г. письмо с конкретными предложениями по организации работ³². В качестве основы при их проведении предлагалось использовать хорошо выполненную топографическую съемку Московской губернии 1852 г., проверив её точность на местности и внося возникшие позднее изменения. Для того чтобы планируемые к изданию план Бородинского поля и схема расположения войск во время сражения соответствовали друг другу и служили не только для информации, но и для украшения путеводителя, предлагалось штабу МВО выбрать единообразное решение:

выполнять ли их «в линиях» или «в штрихах», для чего прилагались фотографии фрагментов съёмки в каждом из этих видов³³. Ради достижения большего соответствия плана ситуации предлагалось отложить съёмку до 1902 г., когда предполагалась публикация путеводителя, к которому он и должен был прилагаться. С предложениями О.Э. Штубендорфа в штабе МВО согласились (в том числе с перенесением работ на лето 1902 г.), избрали изображение плана «в штрихах» и подтвердили готовность направить своего специалиста в помощь и для консультаций в любое избранное топографами время, но, желательно, не позднее мая 1902 г.³⁴ Геодезическое отделение Военно-топографического отдела, на которое возлагалось непосредственно проведение подобных работ, попыталось переложить их на специалистов штаба МВО, но там, сославшись на занятость, попросили всё же прислать топографа из Петербурга³⁵. В результате, как мы знаем из уже приведённых А.В. Горбуновым документов, на Бородинское поле в июне 1902 г. был направлен классный военный топограф коллежский советник Богданов³⁶. В помощь топографу командировывались девять нижних чинов от частей войск Виленского военного округа (по другому документу – семь)³⁷. Богданов прибыл на Бородинское поле 12 июня³⁸. Съёмка всего поля проводилась одновременно со съёмкой земельного участка под Семёновскими флешами, бывшего во владении Спасо-Бородинского монастыря. По всей вероятности, в обоих случаях Московский военный округ представлял член Межведомственной комиссии генерал-майора Шейдемана³⁹ подполковник Генерального штаба старший адъютант Н.Н. Оболевешев⁴⁰. К 14 августа топографом Богдановым была завершена обработка полученных на Бородинском поле материалов, о чём в штаб МВО отправлен рапорт с приложением семи составленных им планов (в деле не обнаружены)⁴¹.

Внимательное знакомство с использованными А.В. Горбуновым документами, исходящими из Военно-учёного комитета, и дополнительными материалами, содержащимися в рассматриваемом деле, позволяет утверждать, что выдвинутый по инициативе великого князя проект приобретения в казну земельных участков на Бородинском поле и восстановления на них укреплений 1812 г. не был отвергнут полностью. Однозначное решение было принято лишь в отношении музея: военное ведомство резонно сочло целесообразным создание единого хранилища памятников – Музея 1812 года в Мо-

ске. Что касается Бородинских укреплений, упоминавшаяся выше Комиссия по их изучению и описанию при штабе МВО продолжала действовать, как минимум, до января 1904 г. Прикомандированный к ней военный инженер капитан Стерлигов, исполняя полученное от окружного генерал-квартирмейстера и главы Комиссии по Бородинским укреплениям С.М. Шейдемана устное распоряжение, 27 января 1904 г. представил ему «Краткие соображения» о стоимости восстановления укреплений в первоначальном виде⁴². В документе довольно подробно и скрупулёзно описаны необходимые работы и подсчитана их приблизительная стоимость («так как точное количество земляных работ на каждую погон. сажень укреплений – величина не постоянная»). Всё необходимое предлагалось произвести силами команды саперов, размещённых в Клементьевском лагере, что, с одной стороны, значительно удешевляло работы, а с другой – гарантировало их качество: «Как бывший сапер могу с уверенностью сказать, что 200 человек сапер в течении 3-х недель (в августе месяце, когда ещё люди могут жить в палатках) успеют во всяком случае выполнить все работы по восстановлению укреплений...»⁴³.

Таким образом, можно предположить, что Московский военный округ не оставлял планов по восстановлению укреплений на Бородинском поле, но работа эта была приостановлена из-за трагической гибели великого князя. После этого ужасного события не сразу был замещён пост командующего МВО. А спустя несколько месяцев начались массовые революционные беспорядки 1905–1907 гг., после которых понадобилось немало времени на восстановление нормальной жизни в губернии и в войсках округа. Но, как справедливо отмечает в своей работе А.В. Горбунов, многое из задуманного великим князем было всё же сделано к юбилейным торжествам на Бородинском поле. Напомним, что в этом огромная заслуга московского губернатора Свиты его величества генерал-адъютанта генерал-майора В.Ф. Джунковского. Будучи личным адъютантом великого князя Сергея Александровича, Джунковский был в курсе его основных проектов, к которым, несомненно, принадлежал и план мемориализации памятников на Бородинском поле.

Несколько слов можно сказать о лицах, непосредственно участвовавших в работе над проектом. Одним из них был не раз уже упоминавшийся старший адъютант Генерального штаба подполковник Николай Николаевич Оболешев. Сохранившиеся в делах шта-

ба Московского военного округа документы свидетельствуют о его активном участии в подготовке и других проектов великого князя, а именно в организации и разработке в 1902 г. устава Московского военно-исторического общества⁴⁴. Кстати, в том же обществе собирався принять активное участие подполковник В.Н. Никольский, напомнивший в 1908 г. об идее мемориализации укреплений Бородинского поля, уже в рамках деятельности Особого комитета Музея 1812 года. В 1902 г. подполковник Обошешев был хорошо известен в Обществе ревнителей военных знаний как знаток Бородинского сражения и топографии Бородинского поля. Судить об этом можно по тексту личного письма Обошешеву секретаря Общества Е.Ф. Новицкого⁴⁵ с просьбой провести экскурсию по полю («стать руководителем») для членов Общества из Петербурга, решивших совершить специальную ознакомительную поездку на поле великой битвы⁴⁶. Имя Обошешева также упомянуто в личной просьбе о помощи в организации экскурсии председателя Общества барона Ф.Е. Мейендорфа⁴⁷, обращённой к Л.Н. Соболеву⁴⁸. Нельзя не отметить и несомненную заинтересованность и большое личное участие в делах, касающихся сохранения памяти исторических событий, самого начальника московского окружного штаба генерал-лейтенанта Леонида Николаевича Соболева. Характер оставленных на полях входящих документов и отпусков помет, сделанных его рукой, свидетельствует о внимательном участии и позволяет утверждать, что глава штаба не был человеком, механически подписывавшим поданные бумаги. О тщательности проработки им каждого вопроса свидетельствуют также дела, связанные с другими мероприятиями, составившими общий и весьма впечатляющий по размаху проект развития военно-исторического воспитания военнослужащих Московского округа, разрабатывавшийся по инициативе и при личном участии великого князя Сергея Александровича в 1887–1904 гг.⁴⁹

Итак, сохранение и восстановление артиллерийских укреплений на Бородинском поле и создание музея занимали в общем проекте великого князя Сергея Александровича весьма важное место, что объясняется не раз встречающимися в документах напоминаниями о приближающемся столетии сражения и необходимости создать единую программу юбилейных торжеств. Другими составными частями общего проекта явились следующие программы, каждая из которых носит следы личного участия начальника штаба и командующего войсками округа: обя-

зательного посещения военнослужащими округа памятных для военной истории России мест, расположенных в пределах округа; создания памятников на местах сражений; изучения битв с военно-исторической точки зрения и мест сражений «в топографическом отношении»; проведение циклов лекций для офицеров и «чтений» для нижних чинов по военно-исторической тематике; реорганизация «военно-архивного дела» и др. Среди предложенных Сергеем Александровичем и его сотрудниками мероприятий важно отметить также подготовку к созданию и разработку первого устава Московского военно-исторического общества, предпринятую ранее возникновению Российского Императорского военно-исторического общества. Самостоятельное общество в Москве создано не было, но Московское отделение ИРВИО, костяк которого составили офицеры штаба МВО, при подготовке к столетнему юбилею Отечественной войны (как и в других отношениях) действовало во многом согласно программам, разработанным под руководством командующего округом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. Д. 570.

² Горбунов А.В. Музеефикация Бородинского поля: проект великого князя Сергея Александровича // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. М., 2006. С. 91–103.

³ Там же. С. 102.

⁴ РГВИА. Ф. 1606 (Штаб Московского военного округа). Оп. 2. Д. 723.

⁵ ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 28 (Дневник Великого Князя Сергея Александровича за 1892 год). Л. 136–137. Добавим, что и позднее Сергей Александрович постоянно проявлял интерес к теме наполеоновских войн, много читал мемуарной и исторической литературы, связанной с этой эпохой.

⁶ Там же. Л. 138. Благодарю за содействие в работе с дневниками великого князя Сергея Александровича И.С. Тихонова, заместителя начальника отдела ГАРФ.

⁷ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 723. Л. 2об.

⁸ См. напр.: Московский военный округ: Командующий войсками: Систематический сб. распоряжений по войскам Моск. воен. округа / Сост. подполк. Висковский. 1-е изд. М., 1898. С. 238. (1898. Приказ № 151: «...18 сего июля я произвёл смотр стрельбы артиллерии 2-й очереди Клементьевского сбора... Остался доволен, объявил благодарность начальнику сбора г-у Ореусу...»)

⁹ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 723. Л. 52. Кстати, важно отметить, что в том же году Московское отделение Императорского Археологического общества запрашивало штаб Московского округа о возможных мерах по сохра-

нению памятников Бородинского поля. Как известно, в деятельности этого общества великий князь принимал живое участие.

¹⁰ Там же. Л. 1–3об.

¹¹ Почерк Бочарова в его подписи отличается от почерка, которым написан документ.

¹² РГВИА. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 723. Л. 94.

¹³ На подлинном рапорте Бочарова сохранились пометы, свидетельствующие о внимательном прочтении его, как минимум, двумя лицами, одним из которых предположительно мог быть великий князь.

¹⁴ Здесь и далее все подчеркивания в цитируемом документе выполнены при его прочтении, возможно, самим великим князем.

¹⁵ Список её приведён на Л. 2об–3 и включает: Сборник материалов для изучения Москвы и Московской губернии, изданный Бочаровым, научный труд М. Богдановича, популярное описание битвы П. Полевого, заметки с описаниями поля Тимофеева и Дембовского, а также популярную книгу Толычевой о Спасо-Бородинском монастыре и роман Толстого «Война и мир». Отметим, что Бочаров был знаком с «брошюрой в 7 страниц», издававшейся в то время в Спасо-Бородинском монастыре, но ему был неизвестен путеводитель Неелова 1839 г., очевидно, уже давно распроданный.

¹⁶ «Собственно говоря, – пишет Бочаров, – домик и теперь уже играет неофициально роль музея, так как каждый турист его обязательно посещает».

¹⁷ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 723. Л. 5–7об.

¹⁸ Там же. Л. 54об.

¹⁹ В «легенде» кем-то из тех, кто подробно изучал документ, исправлена историческая ошибка Бочарова: он, видимо, не знал о существовании нескольких братьев Тучковых и недоумевал по поводу разных сведений о ранении и гибели Тучкова на Семёновских флешах и на Утицком кургане.

²⁰ *Колубакин Б.М.* Бородинское сражение и подготовка поля сражения в инженерном отношении. СПб., 1912. К подробному обоснованию этого тезиса мы вернемся в одной из следующих работ.

²¹ Одна из важных деталей описания касается так называемой Кутузовской батареи или Кутузовской ямы на возвышенности у д. Горки, часто упоминавшейся в позднейших документах. Собственно, никакого укрепления на этом месте Бочаров уже не обнаружил, только предположил, основываясь на сведениях Богдановича, что здесь могла находиться батарея. В 1890-е годы на вершине кургана существовала только глубокая яма, вырытая крестьянами д. Горки для хозяйственных нужд. Примечательно упоминание о внимании к сохранению исторической памяти о М.И. Кутузове со стороны частного лица и уездных властей: «По краям этой ямы сделаны в прошлом году Можайским Исправником насаждения: молоденькие ёлки для этой цели были пожертвованы местным помещиком графом Уваровым» (РГВИА. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 723. Л. 6об). Обратим внимание, что эта территория принадлежала крестьянам д. Горки.

²² Леонид Николаевич Соболев (1844–1913), потомственный военный, учился в 1-м кадетском корпусе, окончил Михайловское артиллерийское училище (1864), Николаевскую академию Генерального штаба (1868). Участвовал в Шахриябзской экспедиции 1871 г., в русско-турецкой войне

1877–1878 гг., проявил себя отличным и храбрым офицером. В 1882–1883 гг. по просьбе болгарского князя Александра Баттенберга был назначен министром-президентом и министром внутренних дел Болгарии. На этом посту показал себя последовательным и твердым сторонником законности, принципиальным и честным человеком. По возвращении в Россию состоял сначала командиром 1-й бригады 37-й пехотной дивизии, затем начальником штаба Московского военного округа (1895–1904). Участвовал в русско-японской войне (был командующим 6-го Сибирского корпуса, командующим 2-й Маньчжурской армии). За маньчжурскую кампанию был награжден бриллиантовой саблей и 26 марта 1905 г. орденом Св. Александра Невского с алмазными знаками. В 1905 г. вышел в отставку. Вступил в жесткую полемику с генералом А.Н. Куропаткиным о причинах поражения в войне с Японией, едва не окончившуюся дуэлью.

Известен как автор отмеченного Русским географическим обществом труда «Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе» (СПб., 1874), а также ряда работ, важных в военно-историческом и военно-политическом аспектах: «Страница из истории восточного вопроса. Англо-Афганская распря» (СПб., 1880–1885. В 4 т.); «Материалы по изучению Болгарии» (под ред. Соболева. Бухарест, 1877. В 4 вып.). Для характеристики взглядов определённого круга высшего офицерского общества Российской империи весьма любопытен написанный Л.Н. Соболевым роман «Государственные преступники» (под псевдонимом Р. Скиф), посвященный событиям 1905–1906 гг. в России.

²³ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 723. Л. 52–54об. С изложения содержания этого рапорта в другом документе начинается дело, изученное А.В. Горбуновым в упомянутой работе. В данном деле содержится подлинник.

²⁴ Там же. Л. 9.

²⁵ Там же. Л. 10.

²⁶ Там же. Л. 15–25. Отметим важность этих документов для оценки состояния и характера использования земли на Бородинском поле.

²⁷ Там же. Л. 32–35.

²⁸ Сергей Михайлович Шейдеман (1857–1922) окончил Петровскую Полтавскую военную гимназию (1874) и Михайловское артиллерийское училище (1877), Николаевскую академию Генерального Штаба (1883). Участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Позднее служил в основном на штабных должностях, но постоянно командировался для ознакомления с действительной службой в войска. С 21 марта 1902 г. помощник начальника штаба Московского военного округа. В 1905–1906 гг. окружной генерал-квартирмейстер штаба Московского военного округа. В 1906–1908 гг. возглавлял штаб Приамурского военного округа. В 1908–1912 гг. командовал 3-й кавалерийской дивизией, затем возглавил 2-й армейский корпус (26-я и 43-я пехотные дивизии) 2-й армии генерала А.В. Самсонова. 22 августа 1914 г. 2-й армейский корпус генерала Шейдемана передан в 1-ю армию генерала П.К. Ренненкампа. 5 сентября принял командование 2-й армией после самоубийства генерала Самсонова. Отстранён от командования после неудачной Лодзинской операции, направлен командовать 1-м Туркестанским армейским корпусом.

В 1916 г. успешно действовал в составе 8-й армии во время знаменитого Брусиловского прорыва на Юго-Западном фронте.

В 1918 г. добровольно вступил в Красную армию, назначен военным руководителем Рязанского отряда завесы Московского района. В Гражданскую войну командовал 1-й Рязанской пехотной дивизией в составе РККА. С 22 октября по 5 ноября 1920 г. возглавлял штаб 17-й кавалерийской дивизии Червоного казачества. Был арестован. По некоторым данным, умер в тюрьме.

²⁹ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 723. Л. 36–47.

³⁰ Там же. Л. 92–93, 96.

³¹ Там же. Л. 57.

³² Там же. Л. 58–59.

³³ Там же. Л. 60, 61.

³⁴ Там же. Л. 62–62об.

³⁵ Там же. Л. 63–63об, 64.

³⁶ Там же. Л. 42, 65, 66.

³⁷ Там же. Л. 44, 67.

³⁸ Там же. Л. 68.

³⁹ Глава комиссии, вероятно, лично в осмотре укреплений на поле сражения участия не принимал, но командировал для этого двух своих представителей (см.: Там же. Л. 43).

⁴⁰ Николай Николаевич Обошешев (1868–1920) окончил 1-й Московский кадетский корпус (1886), 3-е военное Александровское училище (1888), Николаевскую академию Генерального штаба (1894). Состоял при Московском ВО в должностях обер-офицера для особых поручений при штабе 17-го армейского корпуса (1896–1897), старшего адъютанта штаба 2-й гренадерской дивизии (1897–1899), помощника старшего адъютанта штаба Московского ВО (1899–1900), штаб-офицера для поручений при штабе Московского ВО (1900–1901), старшего адъютанта штаба Московского ВО (1901–1905). Участвовал в русско-японской войне 1904–1906 гг. в должности начальника штаба 55-й пехотной дивизии (1905), а затем – командира 219-го пехотного (полевое) Юхновского (1905–1906), 219-го пехотного резервного Юхновского (1906–1908), 221-го пехотного резервного Троицко-Сергиевского (1908–1910), 11-го гренадерского Фанагорийского (1910) полков. С 1 сентября 1910 г. начальник военных сообщений Туркестанского ВО. Исполнял должность начальника штаба Московского ВО (19.07.1914–02.1917). Командовал 6-й Финляндской стрелковой дивизией (1917), исполнял должность главного начальника Киевского ВО (1917), состоял в резерве чинов при штабе Московского ВО (с сентября 1917). Добровольно поступил в РККА (1918). С весны 1918 г. в распоряжении Всероглавноштаба. В 1918–1920 гг. несколько раз арестовывался. Вероятно, в 1920 г. расстрелян.

⁴¹ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 723. Л. 69.

⁴² Там же. Л. 97–99, 103–105об.

⁴³ Там же. Л. 105.

⁴⁴ Там же. Д. 673. Л. 4, 8, 25об.

⁴⁵ Евгений Фёдорович Новицкий (1867–1931) окончил Полоцкий кадет-

ский корпус (1884) и 2-е (Константиновское) военное училище (1886), Николаевскую академию Генерального штаба (1892). Преподавал военную историю и тактику в Павловском военном училище, занимал штабные и командные должности в армии. В 1913–1915 гг. начальник Офицерской стрелковой школы. Участвовал к Первой мировой войне. В Добровольческой армии и Вооружённых силах Юга России состоял в распоряжении главнокомандующего, участвовал в комиссии по выработке новых уставов и наставлений. В 1920 г. эмигрировал в Югославию, служил в югославской армии в инспекции пехоты, затем инструктором в стрелковой школе в Сараеве.

⁴⁶ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 723. Л. 74.

⁴⁷ Барон Феофил (Богдан) Егорович Мейендорф (1838–1919) окончил Пажеский корпус (1856), принимал участие в военных действиях на Кавказе в 1860, 1862 и 1864 гг. Командовал 15-м драгунским Тверским (1870–1874) и лейб-гвардии Гусарским Е.В. (1874–1884) полками. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Начальник 2-й кавалерийской дивизии (1884–1892). Состоял для особых поручений при главнокомандующем войсками гвардии и Санкт-Петербургского военного округа (1892–1896). Командир 1-го армейского корпуса (1896–1905). Участник русско-японской войны 1904–1905 гг. во главе своего корпуса. В 1905–1917 гг. состоял при особе государя императора. В 1902–1917 гг. председатель Общества ревнителей военных знаний. С 1906 г. почётный председатель Мариинского приюта для ампутированных и увечных воинов и председатель Комиссии при Главном военно-санитарном управлении по снабжению воинскими протезами. В мае 1917 г. уволен в отставку по болезни. Умер в с. Михайловское Московской губернии. Похоронен в Новодевичьем монастыре.

⁴⁸ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 723. Л. 72–73.

⁴⁹ Об этом см.: Там же. Д. 673, 745, 749, 752, 753; и др.